

МЕХАНИЗМ ОТЗЫВА И ИЗМЕНЕНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ГАРАНТИИ С СОГЛАСИЯ БЕНЕФИЦИАРА

Поваров Юрий Сергеевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: povus@mail.ru

¹Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара, Россия

Предметом комплексного анализа в статье выступает многогранная проблематика согласования с бенефициаром отзыва и изменения гарантом независимой гарантии после ее выдачи (правовое значение и порядок дачи согласия, природа и форма волеизъявления бенефициара и т.д.). Методологическую основу исследования составили общетеоретические (формальной и диалектической логики) и частнонаучные (юридико-догматический, толкования правовых норм, правового моделирования, сравнительно-правовой) методы. В итоге автор, в частности, обосновывает теоретическую приемлемость и практическую востребованность конструктов отзыва и изменения независимой гарантии; доказывает рациональность корректировки гражданского законодательства в части придания разрешительному порядку «статуса» базового (с учетом чего волеизъявление бенефициара могло бы быть квалифицировано в качестве согласия третьего лица на совершение сделки); признает логичность не только последующего, а и предварительного согласования; указывает на нецелесообразность задействования концепта зависимости формы волеизъявления бенефициара от формы, в которой выдана независимая гарантия. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: отзыв независимой гарантии, изменение независимой гарантии, согласие на совершение сделки, предварительное согласие, последующее согласие, односторонняя сделка, форма сделки

MECHANISM FOR REVOCATION AND MODIFICATION OF AN INDEPENDENT GUARANTEE WITH THE CONSENT OF THE BENEFICIARY

Povarov Iu.S.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

e-mail: povus@mail.ru

¹Samara National Research University, Samara, Russia

The subject of a comprehensive analysis in the article is the multifaceted problem of agreeing with the beneficiary on the revocation and modification of an independent guarantee by the guarantor after its issuance (legal significance and procedure for giving consent, the nature and form of the beneficiary's expression of will, etc.). The methodological basis of the study is made up of general theoretical (formal and dialectical logic) and specific scientific (legal-dogmatic, interpretation of legal norms, legal modeling, comparative legal) methods. As a result, the author, in particular, substantiates the theoretical acceptability and practical relevance of the constructs of revocation and modification of an independent guarantee; proves the rationality of adjusting the civil legislation in terms of giving the permit procedure the «status» of a basic one (taking into account which the beneficiary's expression of will could be qualified as the consent of a third party to the transaction); recognizes the logic of not only subsequent, but also preliminary approval; indicates the inappropriateness of using the concept of the dependence of the form of the beneficiary's expression of will on the form in which the independent guarantee is issued. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: revocation of an independent guarantee, modification of an independent guarantee, consent to a transaction, preliminary consent, subsequent consent, unilateral transaction, form of transaction

Вводные замечания

Максимизации обеспечительного эффекта независимой гарантии (далее по тексту – НГ, гарантия), в числе прочего, призван содействовать концепт недопустимости произвольного отзыва и изменения НГ гарантом, получивший четкое воплощение в ст. 371 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ). Между тем, соответствующая запретительная норма не является категорическим императивом: в гарантии допустимо зафиксировать право гаранта на ее отзыв и (или) изменение по собственной инициативе (см. п. 1 ст. 371 ГК РФ), пускай и с соблюдением определенных требований (см. п. 2–4 ст. 371 ГК РФ). Заметим, что подобное «ослабление»:

а) *является*, как таковое, *догматически приемлемым* (ибо ст. 310 ГК РФ признает возможность введения правовыми актами и договором изъятий из принципа недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства; в отмене односторонних сделок, к числу которых позволительно относить и выдачу гарантом НГ [1, с. 72; 2, с. 178–179], нельзя усмотреть нечто экстраординарное [3, с. 8–11] и т.д.);

б) в целом *соответствует запросам гражданского оборота* (даже несмотря на то, что реализация гарантом указанного права способно, разумеется, привести к умалению роли выданной им НГ как, фигурально выражаясь, «подушки безопасности» [4, с. 371] – эффективного и надежного инструмента обеспечения исполнения обязательства²), особенно, когда речь идет об *изменении* условий гарантийного обязательства без его «аннулирования» (в Концепции развития гражданского законодательства РФ, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.³, как известно, на сей счет справедливо констатировалось, что деловая практика сигнализирует о насущной потребности «... в оперативном изменении обязательства гаранта без отзыва ... гарантии» (см. п. 3.3.5 разд. V)).

Кроме того, позиция российского законодателя во многом *опирается на опыт международно-правовой регламентации*, отраженный, прежде всего, в Конвенции ООН о независимых гарантиях и резервных аккредитивах, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 1995 г. № 50/48⁴ (далее – Конвенция ООН). Конвенция ООН, объявляя обязательство безотзывным с момента выдачи, одновременно признает возможность указания в нем на то, что оно является отзывным (т.е. *правило о безотзывности формулируется диспозитивным образом*) (см. п. 4 ст. 7); упорядочению также подвергается порядок *изменения* обязательства (см. ст. 8).

Несколько иначе, впрочем, разрешается исследуемая проблематика в Унифицированных правилах для гарантий по требованию (в редакции 2010 г.), разработанных Международной торговой палатой⁵ (далее – Правила МТП). Данный акт раскрывает механизм внесения *изменений* в гарантию, в том числе, в части суммы гарантии (см. ст. 11, 13), но исходит из безотзывности гарантии с момента ее выдачи, причем даже если об этом в ней ничего не сказано (см. п. (b) ст. 4) (соответственно, «... международная ... практика, – размышляет Л.А. Попкова, – признает *исключительно безотзывные* [здесь и далее курсив в цитатах наш. – Ю.П.] гарантии...» [5]).

Попутно акцентируем внимание на явном размежевании в ст. 371 ГК РФ в текущей редакции конструкторов отзыва и изменения НГ. Прежнее законодательство, напомним, регулировало лишь вопрос

¹ Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301 (с послед. изм. и доп.).

² С учетом этого очевидного обстоятельства в обороте в основном «представлены» безотзывные гарантии, хотя встречаются и отзывные, о чем, в частности, свидетельствует судебная практика (см., к примеру, определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2023 г. № 88-10694/2023).

В целях же охраны интересов бенефициара законодатель ситуативно оговаривает необходимость выдачи сугубо *безотзывной* гарантии (см., например, п. 4 ст. 60 ГК РФ, п. 5 ст. 74.1 Налогового кодекса РФ, п. 5 ст. 84.1 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»).

³ Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.

⁴ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/credit.shtml.

⁵ Приводится по: *Рамберг Я.* Международные коммерческие транзакции / пер. с англ.; под ред. Н.Г. Вилковой. – 4-е изд. – Москва: Инфотропик Медиа, 2011. – 896 с.

об отзыве гарантии, что, памятуя об очевидном сопряжении означенных институтов (ибо «в целом, по резонному заключению А.В. Евдокимова, изменение условий гарантии можно рассматривать как *частичный* отзыв...» [6]), создавало неопределенность у правоприменителя в части (не)допустимости корректировки условий гарантии без прекращения обеспечительного обязательства (как небеспочвенно подчеркивалось в проекте Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России⁶, присутствовала неясность по поводу того, охватывает ли понятие отзыва «...также и случаи изменения гарантии»); это, кстати, как раз и стало одним из главных поводов для новеллирования ст. 371 ГК РФ.

Данная интерпретация (созвучная положениям Конвенции ООН и Правил МТП, которые описывают «шаблонный» режим безотзывности гарантии «изолированно» – в отрыве от правил об изменении гарантийного обязательства), теоретических нареканий не вызывает (тем более, что отграничение случая прекращения обязательства от варианта его изменения типично для ГК РФ – см., например, ст. 453), а в прикладном аспекте кажется довольно удобной и понятной. В логике сказанного уместно выделять в чередке признаков (свойств и т.п.) гарантии не только ее безотзывность, а и неизменяемость [7] (либо неизменность [5]); впрочем, иной подход к соотношению исследуемых понятий по-прежнему встречается в литературе (так, Л.Г. Ефимова градирует гарантии на *отзывные и безотзывные* исходя из наличия либо отсутствия у гаранта права прекратить или *изменить* обязательство⁷).

ГК РФ почти не обсуждает вопрос о дополнительных (наряду с волеизъявлением гаранта) юридико-фактических предпосылках легитимного отзыва и изменения НГ (в этой связи солидаризируемся с И.И. Еремычевой и С.Л. Ермаковым, полагающими законным и оправданным формулирование соответствующих положений гарантом, в том числе, «по аналогии с основаниями прекращения поручительства...» [8, с. 23–24]). Прямое же нормативное указание на данный счет – правило п. 3 ст. 371 ГК РФ о *согласовании* отзыва или изменения гарантии с *бенефициаром*. Сосредоточенность законодателя именно на этом важном моменте легко объяснима – бенефициар является непосредственным участником гарантийного обязательства, и «трансформация» последнего напрямую затрагивает права и интересы бенефициара.

Принципал же, в отличие от бенефициара, субъектом собственно обеспечительного правоотношения не выступает. Поэтому законодатель рационально не обуславливает изменение данного обязательства – в плоскости отношений между гарантом и *бенефициаром* – «положительной» реакцией со стороны принципала (но противоположное решение вопроса, уверенны, может опосредоваться самой гарантией). Другое дело, что изменение НГ способно породить правовые последствия для *принципала* (помимо бенефициара) лишь тогда, когда он изъявит согласие на соответствующее изменение (см. п. 4 ст. 371 ГК РФ); сходным образом, к слову, затронутый ракурс рассматривается в Конвенции ООН (см. п. 4 ст. 8).

Законоположения касаясь получения согласия бенефициара весьма лаконичны, и их истолкование (в том числе в срезе сопряжения с иными нормами) порою сопряжено с определенными сложностями.

1. Проблема факультативности режима согласования отзыва (изменения) независимой гарантии с бенефициаром

Прежде всего, полемичным в доктрине остается вопрос о (не)обязательности санкционирования бенефициаром отзыва или изменения НГ (разумеется, когда НГ в принципе допускает подобные «метаморфозы»).

Некоторые ученые, анализируя предписания ст. 371 ГК РФ, *исходят из непреложности прохождения разрешительной процедуры*: так, по словам Т.Б. Замотаевой, условия безотзывности и неизменяемости НГ «...могут быть отменены ... *лишь с согласия бенефициара*» [7]; с точки зрения Т.Т. Коцоева, «...даже если гарантия содержит ... указание на возможность ее отзыва или изменения, *без согласия*

⁶ Бюллетень нотариальной практики. – 2009. – № 3. – С. 14–32.

⁷ См.: *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г.* Частное банковское право: учебник. – Москва: Проспект, 2020. – 776 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

бенефициара сделать этого будет *нельзя*⁸. «Консервативной» установки, судя по всему, придерживается В.А. Рудницкий, заявляя (пусть и применительно к частному случаю), что «в соответствии с п. 3 ст. 371 ГК РФ для уменьшения размера ... гарантии *необходимо получить от бенефициара документ, в котором ... будет выражено согласие...*» [9, с. 67].

Тем не менее, *из действующего законодательства, как представляется, императивность разбиряемого режима согласования не вытекает:*

во-первых, «пролегоменные» *положения п. 1 ст. 371 ГК РФ*, однозначно провозглашая правомерность фиксации в гарантии возможности ее отзыва или изменения гарантом (что, повторимся, вполне коррелирует с предписаниями ст. 310 ГК РФ, легитимирующими отступления от принципа недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства), *не содержат каких-либо рестриктивных указаний;*

во-вторых, специальные *правила п. 3 ст. 371 ГК РФ*, где прямо упоминается о согласии бенефициара, всего *лишь закрепляют «алгоритм» определения момента прекращения или изменения гарантийного обязательства при установлении в НГ разрешительного порядка;* однако, данные законоположения отнюдь не предусматривают безусловность (вне зависимости от контента НГ) его соблюдения. Симптоматично, что п. 2 ст. 371 ГК РФ, регламентируя вопрос о форме отзыва или изменении НГ, прибегает к идентичной (в сопоставлении с п. 3 ст. 371 ГК РФ) словесной формуле «...по условиям ... гарантии допускается ее отзыв или изменение гарантом...», но уже без добавочной ремарки о согласии бенефициара (соответственно, отзыв либо изменение НГ гипотетически могут происходить и с санкции бенефициара, и безотносительно к его «пожеланиям»).

Наконец, в русле установки об отмене НГ гарантом не иначе как с ведома бенефициара предписания ст. 371 ГК РФ об отзыве НГ в значительной степени теряли бы смысл⁹, поскольку гарантийное обязательство (в том числе отзывное) всегда может быть прекращено по соглашению гаранта с бенефициаром (см. подп. 4 п. 1 ст. 378, п. 3 ст. 407 ГК РФ).

Итак, *законодатель рассматривает изучаемый режим согласования в качестве факультативной, а не обязательной «опции»,* в свете чего элементом предусматриваемого в гарантии механизма ее отзыва либо изменения, среди прочего, может (но не должен!) быть запрос согласия бенефициара. В этом «либеральном» ключе, в частности, обоснованно рассуждает Р.С. Бевзенко: диспозитивные положения ст. 371 ГК РФ позволяют, по мнению автора, включить в текст НГ «...право на отзыв (*произвольно или в определенных случаях*)...» (хотя, конечно, речь тогда будет вестись о НГ «...с резко ослабленным обеспечительным эффектом»), при этом «отзыв или изменение ... *могут быть обусловлены получением согласия бенефициара*» [10, с. 514–515].

Примечательно, что Конвенция ООН и Правила МТП, излагая вопрос об учете позиции бенефициара по поводу изменения гарантии, также не настаивают на «жесткой» модели: Конвенция ООН разрешает пересмотреть правила о моменте изменения обязательства (определяемые в сцепке с дачей бенефициаром согласия!), в том числе, в выдаваемом гарантом обязательстве (см. п. 2 и 3 ст. 8); Правила МТП наделяют бенефициара правомочием отклонить изменение, но лишь при условии, что оно не было внесено в соответствии с условиями самой гарантии (см. п. (с) ст. 11).

Между тем, кардинальная разница наблюдается в части «автоматизма» действия режима согласования. Российский законодатель не признает «сценарий» отзыва и изменения НГ с согласия бенефициара не только в качестве обязательного, но и стандартного (т.е. действующего по умолчанию): мнение бенефициара приобретает важное юридическое значение исключительно благодаря наличию об этом прямой оговорки в НГ (естественно, при условии, что гарантия в принципе предусматривает возможность ее отзыва или изменения).

Данное обстоятельство препятствует бесспорной квалификации одностороннего волеизъявления бенефициара как согласия третьего лица на совершение сделки (в смысле положений ст. 157.1 ГК РФ):

⁸ Коцоев Т.Т. О некоторых вопросах использования независимой гарантии (статья подготовлена для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2022).

⁹ Но все-таки не полностью, ибо потенциально можно рассуждать о противопоставлении двух схем прекращения связанности участников обеспечительного обязательства – посредством совершения ими «цепочки» односторонних сделок и через заключение договора. К этому важному аспекту мы еще вернемся.

институт согласия на совершение сделки, несмотря на его универсализм (многообразии субъектов дачи согласия и пр.), буквально приурочен сугубо к согласиям, требуемым в силу закона; в нашем же случае режим согласования вводится *сделкой* (пускай и «по наводке» законодателя).

Анализируемые же международно-правовые документы руководствуются другой логикой применительно к изменению гарантии: отказавшись от его «изначального» отрицания, Конвенция ООН (ст. 8) и Правила МТП (ст. 11), по сути, оценивают разрешительный порядок в качестве базового (работающего по умолчанию), хотя и «готового» к корректировке либо отмене. Данный подход, в большей степени корреспондирующий идее поддержания предельно высокого обеспечительного потенциала НГ, представляется нам весьма привлекательным (по причине чего полезной кажется соответствующая модернизация положений ст. 371 ГК РФ); в этой «системе координат», кстати, согласие бенефициара воспринималось бы как согласие третьего лица на совершение сделки в контексте предписаний ст. 157.1 ГК РФ (что, в свою очередь, отчасти деактуализировало бы многие проблемы – касательно времени и порядка дачи согласия, его содержания и др.).

2. Юридическое значение согласия бенефициара и порядок его изъясления

При инициативном установлении в НГ изучаемого разрешительного порядка обеспечительное обязательство, в силу п. 3 ст. 371 ГК РФ, считается прекращенным либо измененным с момента получения гарантом согласия бенефициара. Таким образом, действия гаранта, не санкционированные бенефициаром, просто не вызывают ожидаемых правовых эффектов (и, соответственно, не обесценивается задача гарантийных обязательств создавать «...атмосферу надежности при исполнении взятых на себя обязательств» [11, с. 229]). Вместе с тем, формальные основания для интерпретации одностороннего волеизъявления гаранта в качестве несостоявшегося или недействительного отсутствуют. При гипотетическом же рассмотрении согласия на бенефициара как согласия на совершение сделки и, как следствие, применении ст. 173.1 ГК РФ, речь, скорее всего, должна будет идти о том, что односторонняя сделка гаранта, проигнорировавшего волю бенефициара, не повлечет для последнего (как лица, управомоченного давать согласие) правовых последствий; причем данный «сценарий», опять же, явно отграничивается законодателем от случаев оспоримости или ничтожности сделки (см. п. 1 указанной статьи).

Стоит особо отметить чрезмерную «строгость»¹⁰ и, пожалуй, пробельность приведенной регламентации (в первую очередь – сквозь призму определения времени изъясления согласия).

Во-первых, «за скобками» остается вариант дачи бенефициаром *предварительного согласия* (при том, что едва ли имеются весомые резоны для «...возражений против того, чтобы согласие ... было выражено *заранее*, до волеизъявления гаранта» [10, с. 515]); ясно, что п. 3 ст. 371 ГК РФ к данной ситуации *буквально применен быть не может*.

Во-вторых, при *последующем согласовании* иногда (к примеру, при введении дополнительных условий легитимного отзыва и изменения НГ) может возникать разумная потребность в привязке момента «трансформации» обязательственно-правовой связи к другому, нежели получение согласия бенефициара, параметру.

Вероятно, обсуждаемую норму органично трактовать не в смысле неизбежности совпадения моментов отзыва (изменения) НГ и получения гарантом согласия бенефициара, а в плане априорной *недопустимости прекращения (изменения) гарантийного обязательства ранее даты восприятия одобренного волеизъявления бенефициара*.

В этом измерении более сбалансированной и продуктивной видится схематика, раскрываемая в Конвенции ООН с опорой на темпоральный критерий (исходя из времени дачи бенефициаром согласия на изменение). На основании п. 2 и 3 ст. 8 названного источника обязательство, по общему правилу, надлежит считать измененным с момента: а) *выдачи изменения* – если бенефициар *заранее* дал на это разрешение; б) *получения уведомления о согласии* бенефициара на изменение – *в остальных случаях*.

¹⁰ В литературе даже высказываются соображения об *императивном* характере нормы (см., в частности: Борисов А.Н., Ушаков А.А., Чуев В.Н. Комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» части первой Гражданского кодекса РФ (главы 21–29) (постатейный)) (подготовлен для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2015).

Положение об отзыве или изменении НГ с согласия бенефициара, как верно пишет В.А. Белов, несет в себе отпечаток «...по существу «договорного» (согласительного) решения...» [12, с. 82]. Однако оправданно ли считать, что п. 3 ст. 371 ГК РФ предполагает прекращение или изменение гарантийного правоотношения на основании двухсторонней сделки (договора)? По-видимому, именно к такому истолкованию склоняется Л.Г. Ефимова, подчеркивая, что изменение гарантийного обязательства, невзирая на его возникновение в силу односторонней сделки гаранта, «...допустимо осуществлять путем заключения *договора* ... в соответствии с п. 3 ст. 371 ГК РФ...»¹¹. Комментируя правила п. 3 ст. 371 ГК РФ, Р.С. Бевзенко заявляет, что в них, «по сути, речь идет о том, что ... отзыв или изменение оформляются *соглашением*...» [10, с. 515].

Договорный механизм оформления прекращения (изменения) обязательства гаранта (в том числе в русле выполнения требований п. 3 ст. 371 ГК РФ) отвергать, конечно, не стоит. Тем не менее, анализируемые законоположения, думается, сориентированы перво-наперво на случаи, когда волеизъявления гаранта и бенефициара являют собой односторонние волевые акты (и тогда правовые последствия детерминируются юридическим составом); не случайно, что в п. 3 ст. 371 ГК РФ упоминается о *согласии* одного участника, а не *соглашении* контрагентов (тогда как в подп. 4 п. 1 ст. 378 ГК РФ говорится о *соглашении* гаранта с бенефициаром). В практическом же плане отказ от «монополизма» договорной модели позволяет упростить «протокол» взаимодействия сторон.

3. Форма согласия бенефициара

Специальных правил касательно способов выражения воли бенефициара ГК РФ не содержит (что, полагаем, косвенно отражает концепт факультативности исследуемого режима согласования), вследствие чего общеупотребительным в литературе стало утверждение о принципиальной *допустимости любой формы*, включая устную (но с точки зрения обеспечения определенности отношений предпочтительной, несомненно, является письменная форма)¹².

Любопытно, что Конвенция ООН, в отличие от ГК РФ, предусматривает требования к форме уведомления о согласии бенефициара на изменение обязательства (и пристальное отношение к данному тематическому аспекту, наверное, вызвано признанием режима согласования в качестве «дежурного», а не исключительного при изменении условий гарантии); однако, эти требования тождественны правилам о форме, установленной для выдачи обязательства (п. 3 ст. 8)¹³, которые, в свою очередь, являются максимально «лояльными» (речь идет о *любой форме*, позволяющей обеспечить полную регистрацию текста обязательства и произвести верификацию его источника, – см. п. 2 ст. 7).

В развитие сказанного и принимая во внимание общие правила ст. 158 ГК РФ о форме сделок (при том, что волеизъявление бенефициара зримо имеет качества сделки), сегодня оправданно утверждать, что:

а) изъяснение бенефициаром своего согласия через *конклюдентные действия в корне не исключается*;

б) *молчание же, если иное не следует из закона, а равно договора с участием бенефициара* (но не из выданной гарантом НГ – односторонней сделки!), наоборот, *нельзя идентифицировать в качестве согласия* [13, с. 26].

Довольно примечательны в этом срезе положения ст. 11 Правил МТП, в силу которых отклонение изменения в гарантию бенефициаром возможно до тех пор, пока он не уведомит о своем согласии принять изменение или не осуществит представление, соответствующее исключительно измененной гарантии (последняя вариация – пример именно конклюдентного поведения); однако, включенное в из-

¹¹ См.: Ефимова, Л.Г. Указ. соч. / Л.Г. Ефимова, Т.Э. Рождественская, А.Г. Гузнов [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² См., в частности: Гражданский кодекс РФ. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» / под ред. Л.В. Санниковой. – Москва: Статут, 2016. – 624 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (см. комментарий к ст. 371 ГК РФ).

¹³ Подчеркнем, что здесь имеет место отсылочное регулирование, а не введение принципа зависимости формы (последний предполагает необходимость соблюдения формы *фактически совершенной сделки*).

менение условие о том, что изменение вступает в силу при его неотклонении бенефициаром в течение определенного периода времени (т.е. при молчании бенефициара), не должно приниматься в расчет.

Применительно к собственно отзыву или изменению НГ гарантом работает генеральное правило о зависимости их формы от формы, в которой выдана сама НГ (правда, иная форма «вторичной» сделки может быть установлена гарантией) (см. п. 2 ст. 371 ГК РФ); данный подход (по факту дублирующий положения Конвенции ООН о форме изменения обязательства – см. п. 1 ст. 8) учитывает «генетическую» связь актов, опосредующих возникновение и прекращение (либо изменение) гарантийного обязательства, и гармонирует с регулированием вопроса о форме «производных» сделок в сходных ситуациях в отечественном гражданском законодательстве (например, в случае изменения или расторжения договора – см. п. 1 ст. 452 ГК РФ), в свете чего видится вполне адекватным. Но указанные правила на одностороннее волеизъявление *бенефициара de lege lata* не распространяются (ведь они приурочены, повторимся, к ситуации выражения воли *гарантом*); имея в виду вытекающую из предписаний ст. 371 ГК РФ автономность действий гаранта и бенефициара, позволим заявить и об отсутствии серьезных оснований для задействования принципа зависимости формы *de lege ferenda*.

Заключение

Кратко резюмируя изложенное, укажем на то, что:

1) отечественная модель отзыва и изменения НГ с согласия бенефициара фундируется на тезисе о факультативности разрешительного порядка, причем действующего не по умолчанию, а лишь при наличии специальной оговорки об этом в самой гарантии; в данной связи, в частности, одобрительное волеизъявление бенефициара затруднительно квалифицировать в качестве согласия на совершение сделки в смысле предписаний ст. 157.1 ГК РФ;

2) отталкиваясь от правомерности и целесообразности не только последующего, но и предварительного согласования, правила п. 3 ст. 371 ГК РФ приемлемо трактовать ограничительно – в ракурсе недопустимости прекращения (изменения) гарантийного обязательства ранее даты получения гарантом согласия бенефициара;

3) законодательное закрепление принципа зависимости формы согласия бенефициара от формы, в которой выдана гарантия, вряд ли обоснованно.

Список литературы

1. Гавричков С.В. Судебный запрет платежа по банковской гарантии как процессуальный способ вмешательства в гарантийные правоотношения // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 10. – С. 70–80.
2. Юсупов Д.Д. Правовая природа независимой (банковской) гарантии // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 11-1. – С. 177–182.
3. Вершинин С.Н. Особенности выдачи банковской гарантии в законодательстве Российской Федерации // Банковское право. – 2007. – № 2. – С. 8–11.
4. Ларинбаева И.И., Юлбердин А.А. Независимая гарантия как мера обеспечения исполнения обязательств: проблемы и практика применения // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 370–372.
5. Попкова Л.А. Новеллы правового регулирования независимой гарантии // Банковское право. – 2013. – № 2. – С. 65–70.
6. Евдокимов А.В. Разновидности независимых гарантий // Закон. – 2016. – № 3. – С. 57–70.
7. Замотаева Т.Б. Проблемы правового регулирования независимой гарантии // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 1. – С. 21–24.
8. Еремычева И.И., Ермаков С.Л. Правовое регулирование и виды банковской гарантии // Право и экономика. – 2003. – № 12. – С. 17–28.
9. Рудницкий В.А. Правовой механизм частичного прекращения банковской гарантии в сфере госзакупок // Банковское право. – 2019. – № 3. – С. 63–70.

10. Байбак В.В., Бевзенко Р.С., Беляева О.А. [и др.]. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2017. – 1120 с.
11. Фроловская Ю.И. Теоретические рассуждения о независимой гарантии как о надежном способе защиты договорных отношений с участием пенитенциарных учреждений и органов // Человек. Социум. Общество. – 2025. – № 12. – С. 228–232.
12. Белов В.А. Независимая гарантия в измененном Гражданском кодексе Российской Федерации и актах – источниках международного торгового права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 4. – С. 71–89.
13. Поваров Ю.С. Вопросы признания молчания в качестве согласия на совершение сделки (в разрезе допустимых источников регулирования) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 7, вып. 2. – С. 24–29.

References

1. Gavrichkov S.V. Judicial injunction against payment under a bank guarantee as a procedural means of intervention in guarantee legal relations // Current issues of Russian law. – 2024. – Vol. 19, No. 10. – Pp. 70–80.
2. Yusupov D.D. Legal nature of an independent (bank) guarantee // Issues of Russian and international law. – 2023. – Vol. 13, No. 11-1. – Pp. 177–182.
3. Vershinin S.N. Features of issuing a bank guarantee in the legislation of the Russian Federation // Banking law. – 2007. – No. 2. – Pp. 8–11.
4. Larinbaeva I.I., Yulberdin A.A. Independent guarantee as a measure to ensure the fulfillment of obligations: problems and practice of application // Law and state: theory and practice. – 2025. – No. 2. – Pp. 370–372.
5. Popkova L.A. Novels in legal regulation of an independent guarantee // Banking law. – 2013. – No. 2. – Pp. 65–70.
6. Evdokimov A.V. Types of independent guarantees // Zakon. – 2016. – No. 3. – Pp. 57–70.
7. Zamotaeva T.B. Problems of legal regulation of an independent guarantee // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2016. – No. 1. – Pp. 21–24.
8. Eremycheva I.I., Ermakov S.L. Legal regulation and types of bank guarantee // Law and Economics. – 2003. – No. 12. – Pp. 17–28.
9. Rudnitsky V.A. Legal mechanism for partial termination of a bank guarantee in the field of public procurement // Banking law. – 2019. – No. 3. – Pp. 63–70.
10. Baibak V.V., Bevzenko R.S., Belyaeva O.A. [and others]. Contractual and obligation law (general part): article-by-article commentary to Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation / ed. A.G. Karapetyan. – Moscow: M-Logos, 2017. – 1120 p.
11. Frolovskaya Yu.I. Theoretical considerations on an independent guarantee as a reliable way to protect contractual relations involving penitentiary institutions and bodies // Man. Society. Obshchestvo. – 2025. – No. 12. – Pp. 228–232.
12. Belov V.A. Independent guarantee in the amended Civil Code of the Russian Federation and acts – sources of international trade law // Herald of the Economic Justice in the Russian Federation. – 2015. – No. 4. – Pp. 71–89.
13. Povarov Yu.S. Issues of recognizing silence as consent to a transaction (in the context of permissible sources of regulation) // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. – 2022. – Vol. 7, iss. 2. – Pp. 24–29.

Статья поступила в редакцию: 10.07.2025.

Received: 10.07.2025.

Статья принята к публикации: 28.01.2026.

Accepted: 28.01.2026.